

Н. Н. Страхов

РОКОВОЙ ВОПРОСЪ.

Въ различныхъ, хотя не весьма многихъ и не весьма ясныхъ сужденіяхъ о польскомъ вопросѣ почти безъ исключенія упускается изъ виду одна существенная его черта. Намъ легче и мы очень привыкли разсматривать вещи съ болѣе общихъ точекъ зрѣнія и и потому частная, характеристическая особенность дѣла ускользаетъ отъ нашего вниманія. Но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ дѣло имѣетъ для насъ живѣйшій интересъ, то его особенности должны же наконецъ понемногу стать ясными для всѣхъ.

Изъ—за чего поднялись поляки?

Подводя эти явленія подъ ходячія общія понятія, мы обыкновенно отвѣчаемъ такъ:

1) Они поднялись изъ—за идей космополитическихъ, т.—е. для всяческаго улучшенія своего быта и расширенія своихъ правъ.

2) Или — они поднялись изъ—за идеи національности, т.—е. просто для освобожденія себя изъ—подъ власти чужого народа.

Одни считаютъ главною и существенною пружиною возстанія одну изъ этихъ причинъ, другіе другую. Можно наконецъ признавать наравнѣ и ту и другую; можно сказать, что поляки стоятъ за космополитическія идеи и въ числѣ ихъ за космополитическія идеи и въ числѣ ихъ за космополитическую идею раноправности всѣхъ народовъ.

Опредѣливши такимъ образомъ причины явленія, мы уже не находимъ никакихъ трудностей въ рѣшеніи вопроса. Изъ такихъ простыхъ и ясныхъ основаній мы легко и просто выводимъ надлежащія слѣдствія. И такъ какъ у каждаго есть живая надлежащія слѣдствія. И такъ какъ у каждаго есть живая потребность имѣть опредѣленный взглядъ на дѣло, разъяснить его въ своемъ пониманіи, то мы будемъ даже твердо стоять за это легкое рѣшеніе и усердно настаивать на его справедливости.

Между тѣмъ въ польскомъ вопросѣ есть черта, которая даетъ ему страшную глубину и неразрѣшимую загадочность. Эта черта такъ ясно обозначается, такъ прямо бросается въ глаза, что скрыть ее или незамѣтить не возможно. Напрасно мы стали бы не обращать на все внимаія или не предавать ей значенія; отъ такихъ уловокъ, само собою разумѣется, ни мы не выиграемъ, ни самое дѣло не перемѣнится.

Что порождаетъ вражду, возбуждающую поляковъ противъ русскихъ? Постараемся вникнуть въ настроеніе поляковъ, перенесемъ себя въ ихъ положеніе и будемъ смотрѣть съ ихъ точки зрѣнія. Очевидно кромѣ причинъ космополитическихъ и національныхъ въ эту вражду входитъ еще одинъ элементъ, который какъ намъ кажется весьма существенно опредѣляетъ дѣло. Поляки возбуждены противъ насъ также какъ народъ образованный противъ народа менѣе образованнаго или даже вовсе необразованнаго. Каковы бы ни были поводы къ борьбѣ, но одушевленіе борьбы очевидно воспламеняется тѣмъ, что съ одной стороны берется народъ цивилизованный, а съ другой — варвары.

Таковъ покрайней-мѣрѣ должно быть взглядъ поляковъ. Чтобы убѣдиться въ глубокой дѣйствительности этой причины, какъ составного элемента вражды, стоитъ только вспомнить, что польскій народъ имѣетъ полное право считать себя въ цивилизаціи наравнѣ со всѣми другими европейскими народами, и что напротивъ на насъ они едвали могутъ смотрѣть иначе какъ на варваровъ.

Польша отъ начала шла наравнѣ съ остальною Европою. Вмѣстѣ съ другими западными народами она приняла католичество; одинаково съ другими развивалась въ своей духовной жизни. Въ наукахъ, въ искусствахъ, въ литературѣ, вообще во всѣхъ проявленіяхъ цивилизаціи она постоянно браталась и соперничала съ другими членами европейской семьи и никогда не была въ ней членомъ отсталымъ или чужимъ. Вотъ какъ въ краткихъ словахъ говорить объ этомъ И. А. Кирѣевскій:

«Польская аристократія въ XV и XVI вѣкѣ была не только самую образованною, но и самую блестящею, самую ученою въ Европѣ. Основательное знаніе иностранныхъ языковъ, глубокое изученіе древнихъ класиковъ, необыкновенное развитіе умственныхъ и общежительныхъ дарованій удивляли путешественниковъ и составляли всегдашній предметъ реляцій наблюдательныхъ панскихъ нунціевъ того времени. Вслѣдствіе этой образованности литература была изумительно богата. Ее составляли ученые коментаріи древнихъ класиковъ, удачныя и неудачныя подражанія, писанныя частью на щегольскомъ польскомъ, частью на образцовомъ латинскомъ языкѣ., многочисленные и важные переводы, изъ коихъ нѣкоторые до-сихъ-поръ почитаются образцовыми, какъ на примѣръ переводъ Тасса; другіе доказываютъ глубину просвѣщенія, какъ на примѣръ переводъ всѣхъ сочиненій Аристотеля, сдѣланный еще въ XVI вѣкѣ. Въ одно царствованіе Сигизмунда III блистало 711 извѣстныхъ литературныхъ именъ, и болѣе чѣмъ въ восьмидесяти городахъ безпрестанно работали типографіи.»

Такимъ образомъ поляки могутъ смотрѣть на себя какъ на народъ вполне европейскій, могутъ причислять себя къ «странѣ святыхъ чудесъ», къ этому великому западу, составляющему вершину человѣчества и содержащему въ себѣ центральный токъ человѣческой исторіи.

А мы? Что такое мы, русскіе? Не будемъ обманывать себя; постараемся понять какимъ взглядомъ должны смотрѣть на насъ поляки и даже вообще европейцы. Они до-сихъ-поръ не причисляютъ насъ къ своей заповѣдной семьѣ, несмотря на наши усилія примкнуть къ ней. Наша исторія совершалась отдѣльно; мы не раздѣляли съ Европою ни ея судьбы, ни ея развитія. Наша нынѣшняя цивилизація, наша наука, литература и пр. все это едва имѣетъ исторію, все это недавно и блѣдно, какъ запоздалое и усиленное подражаніе. Мы не можемъ похвалиться нашимъ развитіемъ и не смѣемъ ставить себя на ряду съ другими болѣе счастливыми племенами.

Такъ на насъ смотрятъ и мы сами чувствуемъ, что много справедливаго въ этомъ взглядѣ. Въ настоящую минуту, именно по поводу борьбы съ поляками, мы невольно стали искать въ себѣ какой-нибудь точки опоры и что же мы нашли? Наши мысли обращаются къ единому видимому и ясному

проявленію народнаго духа, къ нашему государству. Одно у насъ есть: мы создали, защитили и укрѣпили нашу государственную цѣлость, мы образуемъ огромное и крѣпкое государство, имѣемъ возможность своей, независимой жизни. Не мало было для насъ въ этомъ отношеніи опасностей и испытаній, но мы выдержали ихъ; мы крѣко стояли за идею самостоятельности и независимости, и теперъ если жалуемся, то имѣемъ печальное преимущество жаловаться на самихъ себя, а не на другихъ.

Чтоже однако изъ этого слѣдуетъ? Для насъ самостоятельность есть великое благо, но каковъ можетъ быть ея вѣсь въ глазахъ другихъ? Намъ скажутъ, что государство конечно есть возможность самостоятельной жизни, но еще далеко не самая жизнь. Государство есть форма весьма простая, проявленіе весьма элементарное. Самые дикіе и первобытные народы легко складывались въ государство. Если государство крѣпко, то это конечно хорошій знакъ, но только знакъ, только надежда, только первое заявленіе народной жизни. И потому на нашу похвалу нашимъ государствомъ намъ могутъ отвѣчать такъ: никто не спорить, что вы варвары, *подающіе большія надежды*, но тѣмъ неменѣе вы все-таки варвары.

И вотъ та рана, которую больше или меньше разбережаетъ польскій вопросъ. Онъ стоитъ намъ нетолько крови и денегъ, нетолько составляетъ язву, отъ которой страдаетъ тѣлесная, физическая жизнь Россіи — нѣтъ, онъ каждый разъ еще отзывается внутреннею болью; онъ наводитъ на насъ тяжелое раздумье своею внутреннею, глубокою стороною. Какъ скоро мы вдумываемся въ настроеніе поляковъ, мы невольно должны чувствовать его отраженіе на нашемъ собственномъ настроеніи.

Попробуемъ только вывести слѣдствія изъ предыдущаго. Понятно, что поляки должны смотрѣть на насъ съ высокоомѣріемъ; понятно, что подъ вліяніемъ враждебныхъ отношеній ихъ высокоомѣріе должно усилиться тысячекратно, дойти до послѣдней возможной границы. Этотъ элементъ неизбежно и потоянно присутствуетъ въ этомъ вѣковомъ раздорѣ; онъ составляетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ и чистыхъ его источниковъ и придаетъ усиліямъ и борьбѣ поляковъ безконечно-героическій характеръ. Несчастный народъ! Какъ сильно ты долженъ чувствовать всю несоразмѣрность твоего положенія съ твоимъ высокимъ понятіемъ о себѣ! Чѣмъ выше твоя цивилизація, чѣмъ тоньше ты чувствуешь, чѣмъ изящнѣе говоришь, чѣмъ яснѣе для тебя и для другихъ твои достоинства, тѣмъ глубже тебѣ приходится страдать, тѣмъ невыносимѣе для тебя какой бы то ни было перевѣсъ на сторонѣ твоихъ менѣе цивилизованныхъ соперниковъ. Твоя высокая культура есть для тебя наказаніе. Гдѣ другое племя могло бы еще примириться и покориться, тамъ для тебя невозможны никакое примиреніе, никакая покорность.

Таковы чувства поляковъ и мы всегда болѣе или менѣе ихъ понимали. Мы признавали долю справедливости въ ихъ высокоомѣрії и слѣдствіемъ этого было смиреніе передъ ихъ образованностью. Это смиреніе выразилось даже исторически и очень явно. Только недавно стало сильнѣе и сильнѣе высказываться требованіе, чтобы всѣ части имперіи, причастныя европейской

цивилизации, пользовались иногда больше, иногда меньше, разными преимуществами и льготами. Почему это случилось — понятно; причиною было невольно чувствуемое превосходство и потому мы рѣдко роптали и жаловались на предпочтеніе, отдаваемое, какъ говорится, пасынкамъ передъ родными дѣтьми. Сюда же должно отнести всѣ тѣ выгоды, которыя у насъ достаются на долю вообще иноземцамъ и иноплеменникамъ европейскаго происхожденія.

Итакъ яснѣе или темнѣе мы чувствуемъ недостаточность нашего образованія, и борьба съ поляками живѣе чѣмъ все другое должна обращать наши мысли на насъ самихъ и напоминать намъ нашу низкую ступень въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Тутъ мы всего больше можемъ чувствовать несоразмѣрность нашей государственной силы съ нашимъ нравственнымъ значеніемъ.

Въ этомъ смыслѣ вопросъ имѣетъ огромные размѣры. Въ самомъ дѣлѣ очевидно поляки съ этой точки зрѣнія не могли бы согласиться даже стать съ нами наравнѣ. Такъ какъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только они достигли высшей культуры, то по праву, по идѣе имъ должна принадлежать главная роль въ славянскомъ мірѣ; они должны бы стоять во главѣ и руководить другими племенами. Такое притязаніе совершенно естественно вытекаетъ изъ положенія поляковъ и невозможно ихъ осудить, еслибы они стремились привести его въ исполненіе.

Положимъ однакоже нѣтъ. Положимъ намъ скажутъ, что поляки отказываются отъ своего высокомерія и своихъ притязаній, что они допускаютъ равновѣсіе или даже перевѣсъ на сторонѣ другихъ славянскихъ племенъ и ограничиваются чисто и ясно одною идеею національной независимости. Охотно можно повѣрить, что эта идея постепенно укрѣпится и выступитъ наконецъ у поляковъ на первый планъ. Но невозможно скрывать, что ей придется у нихъ сильно бороться съ идеею превосходства въ цивилизаціи и что ея побѣда еще очень далека.

Въ самомъ дѣлѣ поляки имѣютъ за собою длинную исторію. Въ этой исторіи болѣе или менѣе правильно, болѣе или менѣе сознательно они играли роль и исполняли миссію цивилизованнаго народа среди варваровъ. Какъ представители высокой культуры они постоянно были заняты распространеніемъ этой культуры; они стремились полонизировать прилежащія страны. Легко здѣсь вспомнить цѣлый рядъ непрерывныхъ усилій, направленныхъ къ этой цѣли. Въ эти виды и попытки входила не только Малороссія и другія меньшія части: эти виды простирались и на Москву; сама Москва подвергалась попыткамъ ополченія и латинизированія.

Отбрасывая темныя черты и частности, смотря на дѣло вообще и въ цѣломъ, можно ли не видѣть здѣсь самага правильнаго и благороднаго проявленія цивилизаціи? Не говоримъ о средствахъ, которыя были сообразны съ временемъ; не говоримъ о частныхъ цѣляхъ, которыя могли быть нечисты и своекорыстны; говоримъ только объ общемъ явленіи, что Польша стремилась распространить на варварскія племена блага европейской цивилизаціи, старалась вывести ихъ мрака на свѣтъ.

Положимъ однако же — все это ничего не значить. Положимъ намъ скажутъ: поляки отказываются отъ своей исторіи; они имѣютъ въ виду только настоящее положеніе дѣлъ и не заглядываютъ въ прошлое. Пусть такъ. Но еслибы они даже успѣли выполнить это тяжелое требованіе, намъ приходится потребовать отъ нихъ еще больше; они должны отказаться не только отъ своей исторіи, но и отъ ея результатовъ, существующихъ въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ историческія ихъ усилія принесли плоды. Въ однихъ мѣстахъ они были безуспѣшны, были отражены; но въ другихъ они имѣли успѣхъ наполовину, въ третьихъ были успѣшны вполне. Во всякомъ случаѣ поляки многое сдѣлали и въ настоящую минуту повидимому имѣютъ полное право какъ на плоды своихъ трудовъ, такъ и на надежды когда-нибудь ихъ довершить. И вотъ гдѣ правильный и въ ихъ мысляхъ вполне законный источникъ ихъ притязаній на тѣ русскія земли, которыя нѣкогда входили въ составъ Польши. Они составляли не одно вещественное ея достояніе; они ли отчасти были, или рано или поздно должны были стать ея умственнымъ завоеваніемъ, подпасть побѣдѣ ея культуры. Такимъ образомъ трудно упрекать поляковъ за эти притязанія. Отказаться отъ нихъ значило бы для поляка отказаться отъ значенія своей цивилизаціи. Какъ бы ни мало подвинулось въ какой-нибудь области дѣло колонизированія, все-таки оно началось, оно можетъ быть продолжаемо, и слѣдовательно странно было бы отъ него отказываться и не попробовать снова захватить его въ свои руки.

Все здѣсь зависитъ отъ того какъ смотреть полякъ на свою цивилизацію и на тѣхъ людей, которыхъ хочетъ ей подчинить. Какой взглядъ естественно вытекаетъ изъ его положенія? Что онъ можетъ видѣть на примѣръ въ малороссахъ? Въ сравненіи съ его образованіемъ они неимѣютъ никакого образованія; въ сравненіи съ его развитымъ языкомъ, они говорятъ грубымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, не имѣющимъ литературы; въ сравненіи съ его святымъ католицизмомъ они исповѣдуютъ не вѣру, а расколъ, схизму. Этихъ людей нужно цивилизовать и почему же въ этомъ случаѣ ничтожная и ненадежная русская цивилизація должна получить преимущество передъ богатой польской?

Всякая цивилизація горда, всякое образованіе надмѣваетъ. Всегда въ большей или меньшей степени является антагонизмъ между людьми, развитыми культурою и растительною массою народа съ ея темными проявленіями. Если у насъ самихъ является иногда взглядъ на народъ, какъ на простой матерьялъ для культуры, какъ на грубую глину, которой форма отъ нея самой не зависитъ, то подобный взглядъ кажется нигдѣ и никогда не былъ до такой степени усиленъ самымъ ходомъ исторіи, какъ въ польскомъ вопросѣ. Здѣсь онъ составляетъ существенный узелъ и потому разросся и окрѣпъ до страшной силы.

Поляки горды своею цивилизаціею; они высоко цѣнятъ всѣ ея блага и крѣпко держатся за ея преимущества. Кто ихъ осудить за это? Кто можетъ найти здѣсь что-нибудь дурное?

Такимъ образомъ вопросъ усложняется до высочайшей степени. Въ него входитъ всю свою тяжесть понятіе цивилизаціи; передъ этимъ понятіемъ отступаетъ на задній планъ идея самобытныхъ народностей. Поляки со своею

искренностію могутъ считатьъ себя представителями цивилизаціи, и въ своей вѣковой борьбѣ съ нами видѣть прямо борьбу европейскаго духа съ азійскимъ варварствомъ.

Чтоже мы скажемъ противъ этого? До сихъ поръ мы старались сколько возможно яснѣе показать все что говорить въ пользу поляковъ; опуская все спорное и несущественное, мы выводили изъ самого ихъ положенія справедливость ихъ по своей вѣроятности безнадежныхъ притязаній. Чтоже мы скажемъ теперь въ свою пользу?

Сдѣлаемъ краткіе выводы изъ предыдущаго.

Высокомѣріе и притязанія поляковъ происходятъ отъ ихъ европейской культуры.

Такъ какъ высокомѣріе и эти признанія не удовлетворены, то они сосоставляютъ глубокое несчатіе поляковъ.

Такъ какъ они могутъ быть удовлетворены только насчетъ насъ, то они сосоставляютъ для насъ обиду.

Можетъ—быть эта обида по своей глубинѣ равняется этому несчастію; но вотъ бѣда, которую мы терпимъ и которую должны вполнѣ сознать: ихъ несчастье очень ясно и *никому не ясна наша обида*.

Въ самомъ дѣлѣ все вытекаетъ изъ того положенія, что мы варвары, а поляки народъ высоко цивилизованный. Слѣдовательно чтобы опровергнуть слѣдствія, которыя отсюда выходятъ, мы должны бы были доказать:

1) Или то, что мы не варвары, а народъ полный силъ цивилизаціи.

2) Или то, что цивилизація есть *цивилизация, носящая смерть въ самомъ своемъ корнѣ*.

Легко согласиться, что и то и другое доказывать очень трудно.

Очевидно наше дѣло было бы вполнѣ оправдано, еслибы мы могли отвѣчать полякамъ такъ: «вы ошибаетесь въ своемъ высокомъ значеніи; вы ослѣплены своею польскою цивилизаціею и въ этомъ ослѣпленіи не хотите или не умѣете видѣть, что съ вами борется и соперничаетъ *не азійское варварство, а другая цивилизація, болѣе крѣпкая и твердая, наша русская цивилизація*.»

Сказать это легко; но спрашивается, чѣмъ мы можемъ доказать это? Кромѣ насъ, русскихъ, никто не повѣритъ нашимъ притязаніямъ, потому что мы не можемъ ихъ ясно оправдать, не можемъ выставить никакихъ очевидныхъ и для всѣхъ убѣдительныхъ признаковъ, проявленій, результатовъ, которые заставили бы признать дѣйствительность нашей русской цивилизаціи. Все у насъ только въ зародышѣ, въ зачаткѣ; все въ первичныхъ, неясныхъ формахъ; все чревато будущимъ, но неопредѣленно и хаотично въ настоящемъ. вмѣсто фактовъ мы должны оправдываться предположеніями, вмѣсто результатовъ надеждами, вмѣсто того что есть, тѣмъ что будетъ или можетъ быть.

Если у насъ нѣкоторыя указанія въ пользу нашего дѣла, то ими трудно удовлетвориться, такъ какъ всѣ они имѣютъ отрицательный, а не положительный характеръ. Они состоятъ въ томъ, что попытки колонизированія встрѣтили въ русскихъ областяхъ большія препятствія, что въ Малороссіи и въ Москвѣ они большею частью встрѣтили непреклонный,

неодолимый отпоръ. Русскій элементъ оказалъ въ этомъ случаѣ необыкновенную упругость, и при томъ не вещественную, не упругость мускуловъ, а неподатливость и стойкость нравственную. Онъ отнесся съ сознательнымъ и глубокимъ упорствомъ къ этой цивилизаціи, которая старалась нравственно покорить его.

Изъ этого слѣдуетъ, что можетъ-быть мы и не варвары. Можетъ-быть въ насъ таится глубокой и плодотворный духъ, который хотя еще не проявился ясно и отчетливо, но уже ревниво охраняетъ свою самостоятельность и не даетъ надъ собою власти никакому чуждому духу, который настолько крѣпокъ, что способенъ отталкивать всякое вліяніе, мѣшающее его самобытному развитію.

Несмотря на то, что Польша намъ родственна, что черезъ нее всего ближе могла дѣйствовать на насъ Европа, что мы были въ непрерывныхъ столкновеніяхъ съ поляками, мы никогда не находились подъ нравственнымъ вліяніемъ Польши, и когда вздумали подражать европейцамъ и перенимать ихъ развитіе, то пошли мимо поляковъ къ голландцамъ и французамъ. Мы упорно оттолкнули польское вліяніе, и все-таки шли впередъ въ своемъ развитіи, какъ бы медленнымъ и слабымъ ни казалось это развитіе.

Все это доказываетъ только одно — мы сберегли себя, мы готовы, мы имѣемъ полную возможность для самобытнаго развитія; но больше изъ этого вывести трудно.

Возьмемъ теперь другую сторону. Положимъ, мы стали бы находить недостатки въ польской цивилизаціи. Чтобы уничтожить ея вѣсь въ этомъ дѣлѣ, чтобы устранить ея притязанія и оправдать себя въ томъ, что мы оставляемъ для нея существенные недостатки, подрывающіе все ея достоинство. Мы могли бы сказать: «сама исторія осуждаетъ вашу цивилизацію. Эта цивилизація не дала крѣпости вашему народу, не пренесла ему здоровья и силы. Значитъ она не была нормальною цивилизаціею, а может-быть даже была прямымъ зломъ, тѣмъ развѣдающимъ началомъ, которое своимъ вліяніемъ испортило жизнь вашего народа. Развитіе Польши было болѣзненное и ея образованность не только не имѣла силы излечить эту болѣзненность, а была сама причиною ея язвъ.»

Положимъ мы такъ сказали бы. Но въ такомъ случаѣ — въ чемъ же мы могли бы полагать существенный недостатокъ польской культуры? Въ чемъ корень ея неправильности? Не въ томъ ли, что она была не народною, не славянскою? Что въ ней не было никакой самобытности и потому она не могла слиться въ крѣпкое цѣлое съ народнымъ духомъ? Если она не развила и не укрѣпила народной жизни, то это могло произойти только отъ одного — отъ того, что она не была въ гармоніи съ элементами этой жизни, не была ихъ правильнымъ проявленіемъ и слѣдовательно не могла имѣть той силы, которую должна имѣть всякая крѣпкая и правильная цивилизація.

Пусть мы будемъ разсуждать такимъ образомъ и успокоивать себя мыслью, что судьба Польши есть ея внутренняя неизбежная судьба. Не въ такихъ утѣшеніяхъ все дѣло. Мы будемъ непростительно легкомысленны, если при этомъ не обратимся на самихъ себя. Не забудемъ, что чѣмъ рѣзче будетъ наше осужденіе, тѣмъ большую отвѣтственность мы беремъ на себя. Въ этомъ

столкновении мы можем понижать значение польской культуры не иначе, как основываясь на уважении к нашей собственной культуре. А кто вам ручается, могут возразить нам, что ваша—то цивилизация лучше? Что она не носит в себе также зачатков болѣзни, которая нѣкогда разрушает громадное тѣло вашего государства? Что она согласна съ народными элементами? Что она принесетъ народу болѣе полную жизнь, а не уродливость и смерть?

Страшно подумать какой вѣсь, какое невыгодное для насъ значение могут имѣть такіе и подобные вопросы въ глазахъ иностранцевъ. Не посмѣются ли они при одной мысли о возможности своеобразной цивилизации? А защищать ее, возлагать на нея надежды и предвидѣть для нея будущее — не чистыя ли это мечты, не пустыя ли предположенія въ глазахъ каждаго европейца?

Одни мы, русскіе, только и можемъ принять это дѣло серьезно. Одни мы не можемъ отказаться отъ вѣры въ свое будущее. Чтобы спасти нашу честь въ нашихъ собственныхъ глазахъ, мы должны признавать, что тотъ же народъ, который создалъ великое тѣло нашего государства, хранить въ себѣ и его душу; что его духовная жизнь крѣпка и здорова; что она современемъ разовьется и обнаружится столько же широко и ясно, какъ проявилась въ крѣпости и силѣ государства.

Существенно же здѣсь то, что мы должны положиться именно на народъ и на его самобытныя, своеобразныя начала. Въ европейской цивилизации, въ цивилизации *заемной и внѣшней* мы уступаемъ полякамъ; но мы желали бы вѣрить, что въ цивилизации народной, коренной, здоровой мы превосходимъ ихъ или по крайней—мѣрѣ можемъ имѣть притязаніе не уступать ни имъ, ни всякому другому народу.

Дѣло очевидное. Если мы станемъ себя мѣрить общою европейскою мѣркою, если будемъ полагать, что народы и государства различаются только большей или меньшей степенью образованности, поляки будутъ стоять много выше насъ. Если же за каждымъ народомъ мы признаемъ большую или менѣе крѣпкую своеобразность, то мы станемъ не ниже поляковъ а можетъ—быть выше.

Польша не имѣетъ никакого права на русскія области только въ томъ случаѣ, если у русской земли есть своя судьба, свое далекое и важное назначеніе. Защищая наши коренныя области, мы будемъ правы только тогда, если этимъ самымъ приобщаемъ ихъ къ тому великому развитію, въ которомъ одномъ онѣ могутъ достигнуть своего истиннаго блага.

Какой же окончательный выводъ изъ этого рокового дѣла? Въ чемъ можно искать для него правильнаго исхода и надежды на примиреніе?

Если читатели насъ поняли, то они должны видѣть, что мы вовсе не говоримъ здѣсь о внѣшней сторонѣ дѣла и никакимъ образомъ не думаемъ распредѣлять права или области между поляками и русскими. Мы имѣли въ виду только внутреннее настроеніе двухъ племенъ, старались какъ возможно глубже прослѣдить за источниками внутренней боли, которая отзывается въ нихъ при взаимной борьбѣ. Поэтому и теперь мы спрашиваемъ только о томъ

какъ должны измѣниться настроенія племень, чтобы можно было надѣяться на нравственное исцѣленіе.

Что касается до насъ, русскихъ, то мы очевидно должны съ большею вѣрою и надеждою обратиться къ народнымъ началамъ. Мы тогда только будемъ правы въ своихъ собственныхъ глазахъ, когда повѣримъ въ будущность еще хаотическихъ, еще несложившихся и невыяснившихся элементовъ духовной жизни русскаго народа. Но только вѣрить мало, и только тѣшить себя надеждами неизвинительно. На насъ лежитъ обязанность понять эти элементы, слѣдить за ихъ развитіемъ и способствовать ему всѣми мѣрами. Намъ можетъ быть сладка наша вѣра въ народъ и пріятны наши блестящія надежды. Но не забудемъ и горькаго; не забудемъ, что на насъ лежитъ тяжолый долгъ — оправдать нашу гордость и силу.

Что касается до поляковъ, то имъ предстоить также трудная задача. Очевидно они должны отказаться отъ той доли своей гордости, которая опирается на ихъ высокую цивилизацію. Даже въ томъ случаѣ, когда бы Польша была независима, поляки должны подавить въ себѣ то надмѣніе, которое имъ внушаетъ ихъ образованіе: иначе они никогда не будутъ въ силахъ заглушить въ себѣ то мучительное чувство, которое возбуждаетъ въ нихъ большее могущество Россіи или выходъ областей изъ—подъ польскаго вліянія.

Только такимъ образомъ возможно примиреніе и разрѣшеніе этого врутренняго узла въ роковомъ вопросѣ. И обратно: если эти условія не будутъ выполнены, трудно представить, чтобы можно было избѣжать дальнѣйшихъ бѣдствій. Если Россія не содержитъ въ себѣ крѣпкихъ духовныхъ силъ, если она не проявитъ ихъ въ будущемъ въ ясныхъ и могучихъ формахъ, то ей грозитъ вѣчное колебаніе, вѣчныя опасности. Если Польша не откажется отъ гордости своею образованностью, то она неминуемо должна будетъ напрягать свои силы свыше мѣры, будетъ постоянно питать требованія, которыхъ удовлетвореніе чрезвычайно трудно или даже невозможно.

Какія задачи! Какая неизѣримая тяжесть заключается въ этихъ словахъ, которыя такъ просто выговорить!

Русскія духовныя силы! Гдѣ онѣ? Кто кромѣ насъ имъ повѣритъ, пока онѣ не проявятся съ осязаемою очевидностію, съ непререкаемою властію? А ихъ развитіе и раскрытіе — оно требуетъ вѣковой борьбы, труда и времени, тяжолыхъ усилій, слезъ и крови.

Отказаться отъ гордости своею цивилизаціею! Развѣ это легко? Можетъ—быть это даже вовсе невозможно! вѣдь цивилизація входитъ въ плоть и кровь человѣка; вѣдь недаромъ она высокое благо, честь и гордость историческихъ народовъ. Ничего нѣтъ страннаго, что за нее умираютъ какъ за святыню.

Пожелаемъ отъ всей души, чтобы при рѣшеніи этого рокового вопроса какъ можно меньше лилось крови двухъ родственныхъ племень; будемъ призывать всѣми нашими желаніями самый мирный, наименѣе губительный внѣшній исходъ для этого дѣла. Но чѣмъ глубже мы поймемъ его внутренніе источники, тѣмъ лучше; чѣмъ яснѣе мы сознаемъ взаимныя отношенія, тѣмъ легче можетъ совершиться ихъ правильное разграниченіе. И потому не станемъ скрывать отъ себя всѣхъ трудностей внутренней задачи, лежащей въ вопросѣ.

Польскій вопросъ вѣроятно еще долго будетъ глубокимъ русскимъ вопросомъ; чѣмъ онъ труднѣе и важнѣе, тѣмъ нужнѣе для насъ сознать въ отношеніи къ нему свой долгъ.